

Е. Ю. Геймбух

Москва, Россия

**СЛОВО ИЗОБРАЖАЮЩЕЕ И СЛОВО ИЗОБРАЖЕННОЕ
В РОМАНЕ В. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»**

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем организации повествования в романе «Два капитана». В статье указывается на условность разделения «своей» (дискурс основного субъекта повествования) и «чужой» (высказывания других персонажей) речи в повествовании от первого лица, что определяется 1) сменой повествователей, вследствие чего меняется представление о «своей» и «чужой» речи, 2) разделенностью времени события и времени его изображения, когда «своя» речь в прошлом может быть представлена как объект изображения и оценки, 3) спецификой изображения собственных слов, которые могут восприниматься как «чужие» и отделяться от основного повествования кавычками. В статье рассматриваются основные функции включения «чужой» речи в дискурс повествователя: прежде всего, характерологическая по отношению к тому, кто говорит, и к тому, кто воспринимает и представляет говорящего; кроме того, различия между изображенной и изображающей речью указывают на большую или меньшую отдаленность времени события от времени его описания, определяют динамику развития характера, отстраненность от наиболее драматичных моментов жизни, служат расширению внешнего мира. Рассматриваются разные способы представления чужой речи: письменные и устные, развернутые и лаконичные высказывания, несобственно-прямая и несобственно-авторская речь, обобщенная точка зрения и др.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, свой — чужой, субъекты речи.

E. Yu. Geymbukh

Moscow, Russia

**WORD DESCRIBING AND THE DESCRIBED WORD
IN THE NOVEL «TWO CAPTAINS» BY V. KAVERIN**

Abstract. The article is devoted to one of the problems of narration structure in the novel «Two Captains». The article argues that the difference between «one's own» speech (discourse of the main character of the narrative) and "alien" speech (the sayings of the other characters) in the first person narrative is not clear cut, which is determined by the following factors: 1) the change of narrators, resulting in changing representation of "one's own" and "alien" speech, 2) discrepancy of the real time of the event and the time as presented in the novel, when «one's own» speech in the past can be represented as an image and evaluation, 3) the graphical presentation of «one's own» words, which may be perceived as «alien» and is separated from the main narrative by the quotation marks. The article discusses the main features on «alien» speech in the discourse of the narrator: first of all, in relation to who speaks and who listens and introduces the speaker; moreover, the differences of the depicted from the depicting speech indicate the greater or lesser remoteness of time of the event from the time of its description, determine the dynamics of the development of character, his detachment from the most dramatic moments in life and contributes to enrichment of the inner world. Different means of presenting «alien» speech are described: written and oral, detailed and concise statements, reported speech, generalized view, etc.

Keywords: Russian literature, Russian writers, writing, one's own — alien, subjects of speech.

Роман В. Каверина «Два капитана» — самое известное произведение писателя. Однако нельзя сказать, что «Двум капитанам», впрочем, как и творчеству В. Каверина в целом, посвящено много исследований. Прежде всего это юбилейные статьи и воспоминания о Каверине-человеке (см. [Арьев 2002], [Каверин 2002]), а также биографические исследования, и прежде всего «В.Каверин. Критический очерк» О. и Вл. Новиковых (см. [Новикова и Новиков 1985, 1986]); кроме того, работы литературоведческого плана, в том числе и диссертационные исследования (см. [Волкова 1967], [Белая 1983], [Алферьева 2002], [Фесенко 2006], [Ровенко 2007]); в последнее время появляются и различного рода сопоставительные исследования (см. [Ермолаева 2008], [Ломовская 2011]). Но нам кажется, что произведения В. Каверина достойны внимания не только в аспекте изучения проблематики и поэтики, что языковая специфика разножанровых и разностилевых произведений писателя таит в себе немало любопытного.

Так, роман «Два капитана» интересен не только благодаря приключенческому сюжету, обаятельному главному герою и романтическим отношениям. Привлекает внимание и сложная структура повествовательного монолога. В романе две книги, каждая из

пяти частей, и эпилог. И только в эпилоге повествование принадлежит автору, а в обеих книгах основными субъектами речи являются сами герои: восемь частей представляют собой повествование Сани Григорьева, а две (шестая и седьмая, начинающие вторую книгу) «рассказаны» Катей Татариновой.

Вследствие того, что основным субъектом повествования является герой, разграничение «своего» и «чужого» оказывается весьма условным: в качестве «своей» воспринимается речь повествующего субъекта (Саньки или Кати), а «чужой» представляются не только интертекстуальные включения или речь других персонажей, но и собственные высказывания рассказчиков, причем способы отчуждения своей речи и функции такого отчуждения в «Двух капитанах» исключительно многообразны.

При такой сложной организации повествования неизбежно возникают вопросы о субъектной структуре текста: о целях смены повествователей и, в частности, о функциях того эффекта стереоскопичности, который возникает при повторениях в описании событий двумя повествователями [Геймбух 2013: 186–192]; о функциях включения в дискурс основного субъекта речи разного рода интертекстуальных элементов, в том числе и социальных идиом,

маркирующих как тот мир, в котором живут герои, так и те миры, которые остаются за рамками изображения, лишь на мгновение соприкасаясь с линией жизни героев [Геймбух 2017]. Однако за пределами внимания остаются многие явления, что требует продолжения исследования в области «своей» и «чужой» речи и ответов на вопросы, какая/чья речь в таком сложном повествовании воспринимается как чужая; как включается «чужая» для рассказчика речь в «свое» повествование; почему иногда «своя» речь представлена как «чужая», каковы цели, функции, способы отчуждения «своей» речи?

Задача данной статьи — изучение способов и функций включения в дискурс повествователя (речь «своя», изображающая) высказываний, принадлежащих другим персонажам (речь «чужая», изображенная), классификация таких включений.

Одной из форм появления «чужой» речи в «своей» являются «документы», которые представляют собой более или менее развернутые тексты, принадлежащие как главным героям и сюжетно значимым персонажам, так и «авторам», которых нет на страницах романа (например, стихотворение, посвященное капитану Татарину, статья об экспедиции «Св. Марии», заметка о гибели капитана Григорьева и др.). Благодаря таким «документам» рядом с основным сюжетом романа складывается сюжет жизни капитана Татарина. Чужие письма воссоздают чужую жизнь, которая для Сани постепенно становится частью своей: это письма и дневник штурмана Климова; письма, брошюра, доклады самого капитана Татарина; листок из домашней библиотеки с записями капитана, заметка из газеты с обращением капитана, описание «очевидцем» отплытия «Св. Марии». Письма капитана так же, как цитаты из книг любимых авторов, проходят через весь роман и не только описывают чужую для Саньки жизнь, но и характеризуют самого героя: еще не владея грамотой, но слушая тетю Дашу, которая постоянно читает найденную в сумке утонувшего почтальона корреспонденцию, мальчик на всю жизнь запоминает письма штурмана Климова и капитана Татарина, которые привлекают его и содержанием, и формой выражения мыслей и чувств. Для сравнения скажем, что никаких воспоминаний о книге «Из дневника артурца», которую каждый вечер в «назидательно-угрожающих» [Каверин 2011: 33] целях читает Гаер Кулий, у Саньки нет, что свидетельствует об избирательности его отношения к слову.

Обратим внимание на то, что некоторые «документы» представлены в романе в полном объеме, как, например, многочисленные письма, заметка в газете о героической гибели капитана Григорьева, надпись на портрете («Если быть — так быть лучшим» [Каверин 2011: 342]) и др. Развернутые и весьма лаконичные тексты воспринимаются как результат речевой деятельности субъекта, они отчуждаются от говорящего, могут тиражироваться, цитироваться, обсуждаться — в общем, ведут себя, как настоящие документы. Поэтому не удивительно, что значимые для Саньки и Кати «документы» частично или полностью неоднократно повторяются на протяжении повествования, как, например, письма ка-

питана Татарина, «кровавая клятва дружбы», надпись на портрете и др. Функции у этих повторений различные: одни способствуют развитию сюжета; другие раскрывают характеры героев, которым принадлежат «документы» и/или которые читают их; третьи указывают на значимые этапы жизненного пути героя. Некоторые «документы» становятся начальной репликой гипотетических диалогов, которые герои-повествователи ведут друг с другом, со своими друзьями и врагами.

В «Двух капитанах» есть и такие фрагменты текста, которые могут служить иллюстрацией всех названных функций одновременно. Таковы, например, размышления Саньки после чтения статьи Николая Антоновича: «*Позорящего своими действиями...* Какими действиями? Еще ни с кем я не говорил о нем. Они надеются, что я отступлю, испугаюсь... <...> Но статья подстегнула меня. Теперь я должен был действовать — и чем скорее, тем лучше [Каверин 2011: 340]. Цитата из статьи «И. Крылова»; вопросы, которые Санька «задает» своему непримиримому врагу; «чтение мыслей» Николая Антоновича убеждают героя в верности собственных представлений о виновности Николая Антоновича в гибели экспедиции капитана Татарина и еще больше укрепляют его в мысли о необходимости не столько доказать свою правоту в давнем споре, сколько восстановить истину, включив имя капитана Татарина в историю освоения северных земель. Такой ответ (*Но статья подстегнула меня*) и такие обвинения, когда споры личного и научного планов переводятся в область политики (что в 30-е годы было чревато вполне предсказуемыми последствиями), характеризуют и обоих героев (верность своим идеалам одного и низость другого), и время, в которое они живут.

Особое место среди «полнотекстовых документов» занимает «кровавая клятва дружбы», которую написали Петька и Санька: «*Кто изменит этому честному слову, — не получит пощады, пока не сочтает, сколько в море песку, сколько листьев в лесу, сколько с неба падает дождевых капель. Захочет идти вперед — посылай назад, захочет идти налево — посылай направо. Как я ударю моей шапкой о землю, так гром поразит того, кто нарушит это честное слово. Борьтесь и искать, найти и не сдаваться*» [Каверин 2011: 50]. В клятве сочетаются элементы народных заговоров, быличек, скоморошских прибауток и высокой поэзии. Это «документ» не только детской наивности, недостаточной образованности мальчишек, но и того внутреннего духовного стержня, который просматривается в Саньке и Петьке: слова английского поэта Альфреда Теннисона становятся лейтмотивом романа и девизом любимых героев В. Каверина.

Но если о **точности передачи** рассказчиком «документов», текст которых в романе присутствует, можно говорить с уверенностью, то, на первый взгляд, неизвестно, верно ли передает повествователь чужую «незадокументированную» речь, не нивелируется ли речь других персонажей под влиянием собственных речевых привычек рассказчика.

Однако Каверин строит повествование таким образом, что кажется, будто «чужую» речь в своей оба рассказчика — Саня и Катя — пытаются передать без изменений. Достоверность особо подчеркивается в тех случаях, когда речь персонажа далека от речи рассказчика, как, например, при передаче речи дворничихи-татарки в повествовании Кати о жизни в блокадном Ленинграде (*«Ты не мешок думай. Ты бога думай. Ты жизнь, дурак, спасал. Тебе молиться, куран читать нада!»*) [Каверин 2011: 457] и в рассказе о поисках жены в изложении Сани (*«Ты дурак жадный. Мы тебе жизнь спасал. Тебе не хлеб, тебе молиться, куран читать нада»*) [Каверин 2011: 523]. Практически дословное совпадение в дискурсах двух повествователей убеждает в точности передачи высказываний. А если чужая речь передана точно, то она может выполнять характеризующую функцию так же, как и в повествовании «от автора».

Достоверность в передаче чужой речи подчеркивается в авторском вводе прежде всего тогда, когда форма и/или содержание чужих слов оказываются неожиданными для воспринимающего сознания.

Во-первых, фиксируются ошибки в речи тех или иных персонажей, причем функции такой фиксации различны. С одной стороны, это может быть ошибкой роста, если ошибается ребенок (*Так и было написано: «аткровенно»*) [Каверин 2011: 143]; Катя замечает ошибки Сани: *назвал Гришку Фабера «матистый»* [Каверин 2011: 355], или случайной ошибкой, свидетельствующей о сильном волнении (*Не собралась она. Не ейный это выбор. — Она так и сказала: «ейный»*) (для Саньки неожиданным оказывается просторечие в устах Нины Капитоновны) [Каверин 2011: 311]. Это ошибки характеризуют персонажа в один из моментов его бытия и не связаны со спецификой его личности. С другой стороны, ошибки в речи учителя литературы добавляют лишний штрих в общее представление о его безграмотности и нетерпимости, и это ошибки знаковые: *Он однажды диктовал что-то и сказал: «Обстрактно» <...> Он надписывал: «Претензия на оригинальничанье. Слабо!» Он, разумеется, хотел сказать — на оригинальность. Кто же станет претендовать на оригинальничанье?* [Каверин 2011: 134]. Хотя воспоминания пишет взрослый Александр Григорьев, судя по контексту, оценка учителя все же относится ко времени юности героя, когда Санька *«боялся, что по литературе <...> в году будет “плохо”*» [Каверин 2011: 134]. И эта оценка, и вся борьба Саньки с Лихо свидетельствует как о росте орфографической и стилистической грамотности, так и о взрослении главного героя, который (с подачи Кораблева) сумел проявить дипломатичность, преодолеть (по словам того же Иван Павлыча) свое *мелкое самолюбие* и не стал *рисковать своим будущим*.

Во-вторых, точность передачи чужих слов повествователи отмечают при неожиданной, необычной для них форме употребления слова: *...повел меня к «начальству»* [Каверин 2011: 303] (используется форма собирательного существительного вместо нормативной формы единственного числа).

Наконец, точность подчеркивается, если неожиданным является выбор слова: *Это было ска-*

зано: «дорогой» [Каверин 2011: 496]. Саня при описании встречи с Ромашовым в вагоне санитарного поезда отмечает казавшееся ему невозможным обращение в устах своего недруга.

Итак, Каверин заботится о том, чтобы слова других персонажей в «своей» речи каждого из двух повествователей действительно воспринимались как «чужие». Выше мы рассмотрели в основном «полнотекстовые документы». Но в романе есть цитаты из «документов», которые, во-первых, не обязательно имеют письменную фиксацию, а во-вторых, в полном виде не представлены. Функции цитат из писем и иных источников, в том числе из **высказываний, которые не вошли в текст**, различны, но прежде всего в них также реализуется характерологическая функция.

Обратим внимание на то, что если по самому высказыванию мы можем судить о характере говорящего персонажа, то по представлению «чужого» высказывания — и об основном субъекте речи. Так происходит при восприятии Санькой речи Гришки Фабера: *Гришка <...> говорил прекрасно <...> Он назвал Ивана Павлыча «учителем жизни в искусстве» и добавил, что лично для него это сыграло огромную роль* [Каверин 2011: 298]. Обратим внимание, что в одном предложении Каверин использует две возможности включения чужой речи: с одной стороны, представлена цитата из Гришкиной речи, которая дает понять, что для Саньки значит *«прекрасно»* — парадоксальное определение (*«учителем жизни в искусстве»*) оказывается верным по сути, хотя и несколько высокопарным по форме; а с другой стороны, применяется косвенная речь, вероятно, потому, что в дальнейшем высказывании важен исключительно смысл, а не форма изложения.

Иногда цитаты из чужой речи (как правило, только двух героев — Ромашки и Николая Антоновича) призваны указать на то, что кажется повествователю невозможным, недолжным, недопустимым, что ему самому в голову не придет и у него самого язык не повернется произнести (как прямые оскорбления, так и откровенную ложь): *Что ж, наверно, Николай Антоныч уже успел уверить ее в том, что я оклеветал его «самой страшной клеветой, которая только доступна человеческому воображению», и что я — «мальчишка с нечистой кровью», из-за которого умерла ее мать* [Каверин 2011: 230]; *...он /Николай Антонович/ скромно намекал, что именно ему впервые пришла в голову мысль «пройти по стопам Нордениельда»* (цитата из статьи «И. Крылова») [Каверин 2011: 305]; *Он /Ромашка/ сказал что-то насчет «дружбы, связывающей всех учеников нашего дорогого юбиляра»* [Каверин 2011: 302].

Помимо характеристики персонажа, которому принадлежат цитируемые слова, и основного рассказчика, который вводит в свою речь чужие высказывания, может быть значима, так сказать, **ситуация их использования**. Так, верность клятве, которую напоминает Петька (*Бороться и искать, найти и не сдаваться*), можно сказать, спасает Саньке жизнь, заставляя собрать последние силы, встать и идти, а не замерзнуть в дороге. Кроме такого рода серьезных контекстов возможны и ситуации комические. Например, фрагмент из письма тети Даши,

которая искренне заботится о «Санечке», хотя и не понимает всех тонкостей летного дела, становится предметом бесконечных шуток и розыгрышей среди насмешливых «учлетов»: «Раз уж не судьба тебе, как все люди, ходить по земле, то прошу тебя, Санечка, летай пониже» [Каверин 2011: 327].

Еще одна функция «чужих» цитат в «своей» речи связана с тем, что любимые герои Каверина избегают **давать себе высокие оценки**; для этой цели используется чужая речь: *Он сказал, что я из людей той породы, «у которых билет дальнего следования»* [Каверин 2011: 342]. Ту же функцию могут выполнять и «полнотекстовые документы», например, заметка о гибели капитана Григорьева с описанием его подвига (*В неравной схватке Григорьев сбил один истребитель; На обьятной пламенем машине Григорьев успешно протаранил «юнкерс»; сталинские соколы <...> до последней минуты своей жизни боровавшиеся за отчизну* [Каверин 2011: 495]). Характеристики такого рода создают ощущение объективности высокой оценки героя, которая складывается и у читателя.

Кроме отчуждения оценки цитирование определяется особым психологизмом романа — В. Каверин, как правило, уходит от непосредственного изображения **наиболее драматичных переживаний** и подчеркивает это словами своего героя: *Не следует думать, что я был так же спокоен, как теперь, когда вспоминаю об этом* [Каверин 2011: 341]. В таких случаях имеет место двойное отстранение от того, что приносило страдания: хотя время переживаний ушло в прошлое, но в процессе рассказывания оно оживает, поэтому характеристика ситуации дается отстраненно, собственные слова заключены в кавычки и как бы отчуждены от говорящего:

В бомбоубежищах на меня всегда находила тоска, и я давно решила, что если мне «не повезет» — пускай это случится на свежем воздухе, под ленинградским небом [Каверин 2011: 454] (вместо «погибну» Катя использует эвфемизм «не повезет»);

Полк особого назначения — «ну что ж, и нечего холодеть», — это было сказано сердцу, с которым снова что-то сделалось, когда я вслух повторила эти слова. «Он был в Испании и вернулся. Нужно только почаще писать ему, что я верю» [Каверин 2011: 441] (отчужденные слова — *вернулся* — указывают на опыт прошлого и требуют от сердца мужества в настоящем);

...мысль, страшнее которой я уже ничего не мог придумать, приходила ко мне. Эта мысль была: «Я больше не буду летать» [Каверин 2011: 498] (Каверин актуализирует буквальное значение фразеологизма «мысль пришла», что подчеркивается чуть позже повторением фразы с изменением «я» на «ты»: *...и больше не будешь летать?* Чуждая всей натуре Саньки, «пришедшая» как бы извне мысль хотя и пугает его, но отступают перед настойчивостью и упорством, и летчик Александр Григорьев вновь оказывается в строю).

Иногда герои называют испытываемые ими эмоции: *...когда тоска добиралась до сердца, я вынимала из сумки медвежонка, смотрела на него, и, честное слово, мне становилось веселее* [Каверин

2011: 452], *Тоска томила меня* [Каверин 2011: 498], *Ужас охватил меня. Я сжал зубы, чтобы удержаться дрожь* [Каверин 2011: 52]). Однако даже в самые трагические моменты в повествовании нет надрыва, нет ощущения безысходности. И гораздо чаще о внутренних переживаниях говорящего читатель догадывается не по словам героя, а по его действиям: *От «Правды» до квартиры Ч. по меньшей мере, шесть километров, но только на полпути я вспоминаю, что можно было воспользоваться трамваем* [Каверин 2011: 342]. Такого рода отстранение близко по функциям к использованию кавычек, которые способствуют отчуждению собственных слов и мыслей и — таким образом — как бы отделяют и отдаляют страдания от человека.

В романе главные герои — Саня и Катя — пишут друг другу письма, которые представлены либо полностью, либо фрагментарно. В основном это тот же диалог между людьми, пусть и разделенными пространством и временем. Но иногда о мыслях и чувствах другого главные герои читают между строк, когда отступления от привычного становятся толчком к пониманию недосказанного: *Саня, который всегда так оберегал меня <...> вдруг написал — и так подробно — о гибели товарища <...> вот как я поняла его письмо, хотя об этом не было сказано ни слова. «Ты должна быть готова ко всему — я больше ничего от тебя не скрываю»* [Каверин 2011: 447]. Такого рода «чтение» еще раз подчеркивает духовную и душевную близость героев, как и восприятие писем, написанных не друг другу. Так, чтение Катиного письма, написанного сестре Саньке Саше (*«...когда проснулась, то не могла понять, что случилось хорошее. Оказывается, мне приснился Энск и будто тетки одевают меня в дорогу...»*), и его восприятие Санькой (*Я несколько раз прочитал это место, и наш отъезд из Энска, памятный на всю жизнь, представился мне...* [Каверин 2011: 229]) дают возможность читателю понять чувства обоих героев, хотя Санька скрывает свои и от сестры, и от читателя: совместное путешествие из Энска в Москву и Кате кажется чем-то *хорошим*, и Саньке запомнилось *на всю жизнь*.

Наряду с цитированием, о котором речь шла выше, при передаче чужой точки зрения используется **несобственно-прямая речь**. Но и в этом случае «чужие» слова выделены кавычками, как в рассказе мальчиков о Ромашове, который обещал по триста граммов за «захоронение», а потом «зажилл».

Так же, при помощи кавычек, выделяются в речи основного повествователя «цитаты» из дискурсов героев (по Н. А. Кожевниковой [Кожевникова 1994: 206], это признак **несобственно-авторской речи**) или из своих же, но более ранних высказываний (расстояние между высказыванием и цитатой из него может быть минимальным, когда слово повторяется буквально в следующей фразе: *Мимоходом она общала нам, что по-немецки утка так-то, а по-французски так-то.<...> В общем, все выходило «мимоходом»* [Каверин 2011: 63]). Если же повтор идет не в ближайшем контексте, то повествователь, как правило, дает ссылку на источник «цитаты». При помощи несобственно-авторской речи Каверин ука-

зывает на определяющие свойства персонажа (например, слово «*попиндикулярные*» [Каверин 2011: 31, 32, 37] подчеркивает неграмотность, невежество Гаера Кулия и его претензии на образованность), дает образную характеристику ситуации (...и вот тут я «поддался беде», как любила говорить тетя Даша [Каверин 2011: 513]); адекватно описывает ситуацию, которую не может полностью осознать ребенок (*Рябятка, ходившие в школу «не столько занимаюсь, сколько питаюсь», как говорил Кораблев, нежданно оказались в «трудовых отношениях»*) [Каверин 2011: 88]), подчеркивает наличие миров, с которыми не знаком субъект повествования («*возьмут на цу-гундер*» [Каверин 2011: 18]), и мн. др.

В романе «Два капитана» цитатами и ссылками может быть представлена и **обобщенная точка зрения**: ...он, как известно, «любит совать нос в чужие дела» [Каверин 2011: 88]; ...по прозвищу *Благородный Фаддей*. Не знаю, откуда взялось это прозвище: **всем хорошо было известно**, какой он *благородный!* [Каверин 2011: 92] (в последнем примере не только подчеркивается ограниченность культурно-исторических знаний Саньки, что не дает ему возможность почувствовать иронию высказывания, но и указывается на его пытливый ум, отмечающий несоответствие между прозвищем и морально-нравственными качествами человека).

Так, речь персонажа в первую очередь характеризует самого персонажа. Но так как «чужая» для основного субъекта повествования речь передается в его дискурсе, то, естественно, характеризует и его, причем здесь возможны нюансы. Из-за отдаления повествующего субъекта от субъекта действия и по времени, и по возрасту, и по опыту восприятие сказанного другими может характеризовать как Александра Григорьева времени воспоминаний, так Саньку времени события. Например, на первых страницах романа Санька пересказывает легенду о падших ангелах в изложении Петьки Сквородникова: *Он уверял, что черти любят курить и пьянствовать, что они востроголовые и что среди них много хромых, потому что они упали с неба*. О том, что Санька безоговорочно верит старшему товарищу, свидетельствует его восприятие подошедшего к костру человека как черта: *я не очень удивился, когда <...> увидел черную худую фигуру <...> спросил черт, совершенно как люди* [Каверин 2011: 7–8]. Это, безусловно, восприятие ребенка. В речи взрослого человека довольно часто появляется указание на отдаленность времени воспоминаний от времени изображенных событий: *Я тогда не знал, что «Левитан» — фамилия художника, и решил, что так называется место, нарисованное на картине* [Каверин 2011: 82], ...*только через год или два я узнал, что вообразить — это значит не только «задаваться»* [Каверин 2011: 106], *Она была среднего роста, стройная и, кажется, очень хорошенюккая. Я говорю «кажется», потому что тогда об этом не думал* [Каверин 2011: 120]. Однако при всех отличиях Саньки от Александра Григорьева внутренний стержень у них один — верность девизу «*Бороться и искать, найти и не сдаваться*», что обуславливает цельность образа и целостность повествовательной структуры романа.

Итак, на основе изучения слова изображающего и слова изображенного в повествовательном монологе романа В. Каверина «Два капитана» можно сделать следующие выводы: условность разделения «своей» (изображающей) и «чужой» (изображенной) речи определяется 1) сменой повествователей, вследствие чего меняется представление о «своей» и «чужой» речи, 2) разделенностью времени события и времени его изображения, когда «своя» речь в прошлом может быть представлена как объект изображения и оценки, 3) спецификой изображения собственных слов, которые могут восприниматься как «чужие» и отделяться от основного повествования кавычками.

«Чужая» речь может быть представлена разными способами: письменными и устными, развернутыми и лаконичными высказываниями, несобственно-прямой и несобственно-авторской речью, обобщенной точкой зрения и др.

Функции взаимодействия «своей» и «чужой» речи в дискурсе повествователя весьма разнообразны: прежде всего — характерологическая по отношению к тому, кто говорит, и к тому, кто воспринимает и представляет говорящего; кроме того, различия между изображенной и изображающей речью указывают на большую или меньшую отдаленность времени события от времени его описания, определяют динамику развития характера, отстраненность от наиболее драматичных моментов жизни, служат расширению внешнего мира.

В целом же включенные в роман «чужие» высказывания углубляют перспективу повествования, и приключенческий роман, не теряя занимательности, приобретает психологическую достоверность и глубину.

ЛИТЕРАТУРА

- Алферьева Е. Г.* Поэтика прозы В. Каверина 1920-х годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002. — 21 с.
- Арвев А.* По большому счету. К 100-летию В. А. Каверина // Звезда. — 2002. — № 4. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/4/> (дата обращения: 30.10.13).
- Белая Г.* Верность себе (Герой и время в творчестве В. Каверина) // Октябрь. — 1983. — № 9. — С. 191–197.
- Волкова Е.* Целеустремленность поисков (О творчестве В. Каверина) // Новый мир. — 1967. — № 9. — С. 231–238.
- Геймбух Е. Ю.* Система субъектов речи в романе В. Каверина «Два капитана» // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XII Виноградовские чтения» (Москва, 10–11 ноября 2011). — 2013. — Т. 1. — С. 186–192.
- Геймбух Е. Ю.* «Преодоление чуждости чужого...»: функции интертекстуальных элементов в первоначальном повествовании (на материале романа В. Каверина «Два капитана») // Русский язык в школе. — 2017. — № 4. — С. 53–58.
- Ермолаева Ж. Е.* Петербургский текст: мифология города в прозе 20-30-х годов XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — СПб, 2008. — 20 с.
- Каверин В. А.* Два капитана. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 619 с.
- Каверин Н.* Несколько случаев из жизни Вениамина Каверина // Вопросы литературы. — 2002. — № 5. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/5/> (дата обращения: 30.10.13).
- Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX — XX вв. — М.: Институт русского языка РАН, 1994. — 336 с.

Ломовская М. Герои Каверина в романе и в жизни // «Звезда». — 2011. — № 8. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/8/> (дата обращения: 30.10.13).

Новикова О., Новиков Вл. В мире простых истин // Новый мир. — 1985. — № 3. — С. 242–247.

Новикова О., Новиков Вл. В. Каверин. Критический очерк. — М.: Советский писатель, 1986. — 285 с.

Ровенко Н. В. Сказочный цикл Вениамина Каверина «Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году»: проблематика и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2007. — 237 с.

Фесенко Э. Я. Художественная концепция личности в произведениях В. А. Каверина. — М.: URSS, 2006. — 160 с.

REFERENCES

Alfer'eva E. G. Poetika prozy V. Kaverina 1920-kh godov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2002 — 21 s.

Ar'ev A. Po bol'shomu schetu. K 100-letiyu V. A. Kaverina // Zvezda. — 2002. — № 4. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/4/> (data obrashcheniya: 30.10.13).

Belaya G. Vernost' sebe (Geroy i vremya v tvorchestve V. Kaverina) // Oktyabr'. — 1983. — № 9. — S. 191–197.

Volkova E. Tselestremennost' poiskov (O tvorchestve V. Kaverina) // Novyy mir. — 1967. — № 9. — S. 231–238.

Geymbukh E. Yu. Sistema sub"ektov rechi v romane V. Kaverina «Dva kapitana» // Tekst, kontekst, intertekst: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «XII Vinogradovskie chteniya» (Moskva, 10–11 noyabrya 2011). — 2013. — T. 1. — S. 186–192.

Geymbukh E. Yu. «Preodolenie chuzhdosti chuzhogo...»: funktsii intertekstual'nykh elementov v pervolichnom povestvovanii (na materiale romana V. Kaverina «Dva kapitana») // Russkiy yazyk v shkole. — 2017. — № 4. — S. 53–58.

Ermolaeva Zh. E. Peterburgskiy tekst: mifologiya goroda v proze 20-30-kh godov XX veka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — SPb, 2008. — 20 s.

Kaverin V. A. Dva kapitana. — M.: AST: Astrel', 2011. — 619 s.

Kaverin N. Neskol'ko sluchaev iz zhizni Veniamina Kaverina // Voprosy literatury. — 2002. — № 5. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/5> (data obrashcheniya: 30.10.13).

Kozhevnikova N. A. Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX — XX vv. — M.: Institut russkogo yazyka RAN, 1994. — 336 s.

Lomovskaya M. Geroi Kaverina v romane i v zhizni // «Zvezda». — 2011. — № 8. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/8/> (data obrashcheniya: 30.10.13).

Novikova O., Novikov Vl. V mire prostykh istin // Novyy mir. — 1985. — № 3. — S. 242–247.

Novikova O., Novikov Vl. V. Kaverin. Kriticheskiy ocherk. — M.: Sovetskiy pisatel', 1986. — 285 s.

Rovenko N. V. Skazochnyy tsikl Veniamina Kaverina «Nochnoy Storozh, ili Sem' zanimatel'nykh istoriy, rasskazannykh v gorode Nemukhine v tysyacha devyat'sot neizvestnom godu»: problematika i poetika: diss. ... kand. filol. nauk. — Petrozavodsk, 2007. — 237 s.

Fesenko E. Ya. Khudozhestvennaya kontseptsiya lichnosti v proizvedeniyakh V. A. Kaverina. — M.: URSS, 2006. — 160 s.

Данные об авторе

Елена Юрьевна Геймбукх — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Московский городской педагогический университет (Москва).

Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1.

E-mail: gejmbuh@rambler.ru.

About the author

Elena Yurievna Geymbukh, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of the Russian Language, Moscow City Pedagogical University (Moscow).